

ХЕРСОНЕС И РИМ

Включение Херсонеса Таврического, постоянно находившегося под угрозой со стороны скифов, в состав царства Митридата VI в первое время не вызвало, повидимому, протеста со стороны херсонесцев. Они видели в Митридате избавителя от страшной скифской опасности. Положение дела резко изменилось во время войн Митридата с Римом. Эти войны потребовали максимального напряжения сил, и понтийский царь должен был усилить нажим на свои северные владения. Херсонес начинает испытывать все большее недовольство Митридатом, так как тяготы войны и появившийся в его стенах понтийский гарнизон¹ начали все более и более стеснять его граждан; к тому же изменилась и политика Митридата по отношению к варварам, от которых он должен был защищать Херсонес. Митридат начинает видеть в варварах не врагов, а союзников, на которых можно опереться в борьбе с Римом. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых им союзах с варварскими племенами. Так, в 57-й главе его «Митридатовых войн» рассказывается о посольствах царя к фракийцам, савроматам и скифам, а в 69-й содержится перечень ряда варварских племен, граничащих с территорией Боспора, которые названы уже его союзниками. Из 101-й главы мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с наиболее сильными из варварских правителей. Эта политика понтийского царя была, повидимому, не по душе господствующему классу Херсонеса. В нем нарастает оппозиция Митридату, и не даром его сын — изменник Махар — бежит, узнав о приближении разбитого римлянами отца, из Пантикапея в Херсонес (App., 102). Ясно, что Херсонес в данный момент играл роль как бы центра оппозиции. Не случайно Аппиан в 108-й главе, посвященной восстанию Фарнака и Фанагория, причисляет и Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀρτίλιστα) Митридатом. Под этим «недавним захватом» разумеются, надо полагать, события 70-х гг. I в. до н. э. Херсонес восстал против Митридата и был им захвачен. На стороне Махара был Херсонес, несомненно симпатизировавший римлянам. Следует помнить, далее, что инициатива перехода к римлянам принадлежала греческим городам побережья, тогда как варварские племена оставались до конца верными Митридату. В переговорах Махара с Лукуллом, как и Фарнака с Помпеем, не страх перед вторжением римлян

¹ Но этот Саллюстий ни в коем случае не тождествен с еще нерассмотренным Саллюстием в письмах Att., I, 11, 1 и I, 3, 3. Этот Саллюстий уже по той причине не может быть Саллюстием Криспом, что во второй половине 67 г. он является уже самостоятельной величиной в римской общественной жизни. Такое положение не мог занимать пятнадцатилетний юноша, каким тогда был историк Саллюстий Крисп (Цицерон в Саллюстии в Att., I, 11 и I, 3 говорит как о ровеснике). С другой стороны, то, что этот Саллюстий имеет самостоятельные политические связи, а Атик и Цицерон общаются с ним как с равным, показывает, что этот Саллюстий отличен от того, о котором говорится как о клиенте Цицерона. Поэтому в Саллюстии из Att., I, 11 и I, 3 следует усматривать третьего Саллюстия.

² App., Mithr., 108. См. Ростовцев в «Сборнике в честь Уваровой», стр. 8.

После смерти Митридата в 63 г. до н. э. на боспорский престол вступил его сын Фарнак, который владел и Херсонесом, как захваченным после подавления восстания городом. Детали этого периода истории Херсонеса неизвестны. Возможно, что до 25 г. он оставался под властью Боспора.

Рим как бы не нашел еще свей линии поведения по отношению к Херсонесу, то подчиняя его Боспору, то делая его независимым от последнего.

Когда после тридцатилетнего правления Асандра Агриппа, вмешавшись в боспорские дела (14 г. до н. э.), поставил правителем Боспора римского прислужника Полемона, Херсонес был автономен; однако защищать себя от постоянной угрозы со стороны скифов или тавроскифов он не мог. Он должен был просить союза у Полемона. Известен фрагмент декрета об увеличении неизвестного денделя, награжденного веком и постановкой статуи (па база которой и сохранилась надпись) за удачное руководство посольством к царю Полемону по поводу заключенного с ним союза: «Ἐπὶ τὰς ἀμνηστίας γένηθαι τὰς πρὸς βασιλέα Πολέμωνος δι' ἀγερμάτων εὐτυχῆσαι»⁵.

¹ См. Бертье-Делагард, 300, т. XVI; Ростовцев, Херсонес (Энци. слов. Брок.-Ефр.); Селиванов, О Херсонесе (речь), Одесса, 1898. Дата новой эры в Херсонесе вычислена Бертье-Делагардом.

² Ростовцев, Эллинизм и пранство па юге России, Петр., 1918, стр. 153; IOSPE, I², 354, 419, 709.

⁵ IOSPE, I², 419. По мнению Ф.Ф. Соколова, чувствуемое лицо было послано в качестве начальника вспомогательного отряда в помощь Полемону и было награждено за счастливое командование отрядом.

свои союзно-вассальные отношения с Боспором. В Херсонесе была найдена мраморная база с посвящением от имени царя Аспурга: Βασίλειος Ἀσπεργος βασιλ[εύων] (IOSPE, I², 573). Аспург царствовал с 8 по 38 г. н. э. и ориентировался на выдвинувшие его городские слои Боспора. Херсонесцы под давлением варварской опасности должны были поддерживать связь с Боспором. Именно в этом смысле следует понимать выражение Страбона (VII, 4, 3), что Херсонес и по его время (κτὶ νῦν) находится под властью боспорских царей.

Под влиянием римской политики, которая покровительствовала в городах местной аристократии, в I в. до н. э. в Херсонесе происходит некоторая аристократизация политического строя. В связи с этим в городе происходила, повидимому, довольно острая классовая борьба между аристократами, которые стремились удержать ἡ πόλις κλειστή, и демосом, который пригласил какого-то тирана и имел связь с местным и варварами. Об этом событии говорит одна надпись, к сожалению, дошедшая в крайне фрагментарном состоянии (IOSPE, I², 355). Издатель ее, академик В. В. Латышев, датирует ее I в. н. э. Содержание ее сводится к следующему: сначала говорится о деятельности честного гражданина, имя которого не сохранилось, вне родного города. Возвратившись в Херсонес, он, повидимому, застал сограждан страдающими от тирана и желающими его низвергнуть и был избран ими в предводители для действий против тирана. Он «немедленно наполнил сердца сограждан отвагой» и, несмотря на грозившие опасности, вместе с вооружившимся народом «без пролития крови сделал город счастливым». Далее говорится, между прочим, о классовой борьбе, смятении, убийстве и гневе простого народа. Потом честный гражданин, очевидно, после победы, был избран согражданами в попечители общественных доходов и в этой должности обратил все свое внимание на безопасность родного города и, между прочим, заболелся о ремонте городских стен. Так как предстояла война с кем-то из соседей¹, он произвел ревизию продовольственных средств города и, заметив, что граждане терпели большой недостаток в хлебе, через своих клепцов оказал им пущую помощь, чем весьма поднял упавший дух сограждан, «не пади ни затраты денежных средств, ни тела, ни души». Далее в связи с его деятельностью упоминаются римский император, сенат и народ римский и исконная свобода херсонесцев. Можно предполагать, что честное лицо на собственный счет ездило в Рим хлопотать о предоставлении Херсонесу прав «свободного города». Между тем, говорится далее в надписи, приверженцы изгнанного тирана снова призвали его, и он двинулся против города с многочисленным войском, однако честный гражданин, действуя против него «с благородным рвением к народу», заставил его удалиться ни с чем. Далее упоминаются чьи-то сыновья и дочь, находившиеся во власти противной стороны и естественная к ним привязанность, побудившая отца к каким-то действиям. Повидимому, речь идет о случайном захвате детей тирана и о вызванной этим уступчивости с его стороны². Документ оканчивается постановлением совета и народа об увенчании честного гражданина и о постановке ему статуи и т.д.³. Эта надпись дает очень много для истории Херсонеса. Она показывает, во-первых, что Херсонес имел в это время «свободу», так как декрет издан обычным путем от имени совета и народа. Во-вторых, она свидетельствует об острой классовой борьбе, которая кипела в его стенах. Наконец, она говорит о внешней опасности: враг в лице варваров—союзников тирана—шел на город, и Херсонес был близок к гибели.

Положение Херсонеса в это время было очень тяжелым, и помощи ждать было далеко неоткуда. Как уже было указано, Херсонес искал военного союза с Полемоном, а позднее был вассалом Аспурга. Все это заставило его в конце концов опереться на военную мощь Рима, который к этому времени захватил всю Малую Азию и диктовал свою волю Боспору.

¹ Быть может, с тавро-скифскими племенами.

² Ср. подобный эпизод из истории Афин в 510 г. при изгнании тирана Гиппия. (Нер., V, 65).

³ В основе пересказа находится изложение В. В. Латышева (МАР, № 9, стр. 16—17):

Римское влияние на Херсонес шло в первую очередь через Малую Азию. Но был и другой путь, по которому Рим протягивает свои железные щупальцы к Херсонесу. Рим в I в. до н. э. завладел северной частью Фракии, обратив ее в провинцию Мезию. И вот в одной надписи, найденной в Херсонесе, говорится о чествовании неизвестного лица за трехкратное исполнение высшей должности, за исполнение еще ряда должностей и, наконец (в 10 венке), за исполнение роли посла к правителю Мезии¹. С этой надписью ее издатель академик В. В. Латышев правильно связывает известную надпись в честь легата провинции Мезии между 57 и 69 гг. Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, бывшего консулом в 45 г. н. э. Он был близок к императорской семье, в 35 г. состоял личным адъютантом императора Тиберия, позднее был легатом V легиона и городским претором. На его сестре был женат император Клавдий. В течение двенадцати лет он успешно управлял Мезией после Флавия Сабина, павлек на себя подозрение Нерона и попал в опалу, однако при Веспасиане был реабилитирован и получил триумфальные украшения. Эти необычайные отличия объясняются тем, что именно с его мезийского наместничества началась успешная романизация этой отдаленной провинции, причем он опирался на греческие прибрежные города западного побережья Понта, пришедшие в большой упадок вследствие погрома со стороны гитов (также, как и Ольвия).

В его эпитафии (CIL, XIV, 3608) между прочим говорится: *Scytharum quoque regem a Cherronensi quae est ultra Borustenen opsidione summo*² («Также принудил паря скифов снять осаду с Херсонеса, что за Борисфеном»). Если сопоставить обе надписи, то можно прийти к следующему выводу: херсонесцы, теснимые скифами, отправляют чествуемого гражданина к правителю Мезии. Последний откликается на призыв и освобождает Херсонес от осаждавших его скифов. Таким образом, круг охвата владений Херсонеса римским влиянием замкнулся. До этого римское влияние шло с востока, через Боспор и Понт, теперь оно идет и с запада, через Мезию, из которой римскому влиянию, помимо западного побережья Понта Эвксинского, были подчинены также Тира и Ольвия, а за ними и Херсонес, куда Плавтий Сильван прибыл по призыву граждан.

Существует фрагмент почетного декрета Херсонеса в честь неизвестного лица, пришедшего (переправившегося) в город извне и спасшего его (IOSPE, I², 369). В. Н. Дьяков (ВДИ, 1941, № 1, стр. 91) предполагает, что это часть декрета в честь Сильвана, спасителя Херсонеса от скифов³. Таким образом, Херсонес в I в. н. э. находился в очень стесненном положении. Это стоит в связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Крыму. На Боспоре в 40-х гг. происходило большое национальное движение против Рима. Главой этого движения был боспорский царь Митридат III (41—45 гг.), сын Аспурга и потомок Ахеменидов, самое воцарение которого произошло против воли Рима, как передает Кассий Дион (LV, 8). Римская дипломатия пустила в ход свои обычные средства: она стала покровительствовать претензиям на боспорский престол брата Митридата, Котиса, и в 45 г. Рим провозгласил его царем Боспора. Но Котис, принявший имя Тиберия Юлия и называвший римского императора

¹ IOSPE I², № 420; ЗМНП, 1884, июнь, стр. 43 (Латышев).¹

² Надо читать или «*rege*», или «*summovit*».

³ Толкование надписи и ее датировка зависят от понимания слова *Συροιστήν*. Возможно, что речь идет о царе Савромате (Савромат I правил с 94 по 123 г., Савромат II — с 174 по 210). В тексте говорится о военных событиях: кто-то заботился о доставке месячных запасов продовольствия, напал со множеством войска, сжег всю страну, кто-то явился на двенадцатый день, собирался переправиться в город, ... охранял... проводя вал. Во время Савромата II известны военные события в Таврике (IOSPE, II, 423) — см. Лепер, ИАК, вып. 45, стр. 51—52. Ростовцев («Сборн. в честь Уваровой», стр. 15) полагает, что здесь речь идет о каком-то варварском царе, который «налетел со множеством войска... скифов, сарматов и союзников... испепелил огнем всю страну».

своим «спасителем и благодетелем» (IOSPE, II, 32), мог воцариться на Боспоре только с помощью римских солдат.

Длительное междоусобие на Боспоре в связи с воцарением Котиса (Т а с., Ann., XII, 15) отразилось на положении в степях, занятых скифами. Эти последние при этом в движении, будучи втянуты в политическую борьбу, и начали снова угрожать Херсонесу, который, как было указано, твердо держал сторону Рима и за это получил автономно. Боспор помочь не мог. Оставалось искать помощи у правителя Мезии.

Военно-морская экспедиция Плавтия Сильвана была, вероятно, продолжением его похода в Тиру 57 г., и была частью широко задуманного Нероном похода на Восток через украинские степи. Для этого похода, который так и остался невыполненным из-за смерти императора¹, было крайне важно восстановить боеспособность греческих городов Тиры, Ольвии, Херсонеса. До боя со скифами дело, повидимому, не дошло, и они в результате дипломатических переговоров бросили осаду Херсонеса, опустошив предварительно Гераклейский полуостров. Плавтий Сильван, нужно полагать, помог Херсонесу восстановить линию обороны (римский ярус обороны) и оставил в городе гарнизон и часть равнинского флота. С этого времени Херсонес и его область входят в провинцию Мезию. Римские наместники Мезии становятся полными господами Херсонеса, и им ставят в городе почетные статуи с надписями. Первая из сохранившихся надписей относится к эпохе Веспасиана: «Секста Ветуллея Цериалиса, легата и пропретора Веспасиана Цезаря Августа (статую поставил) народа» (IOSPE, I², 421).

В Херсонесе с этого времени появляется римский гарнизон, во главе которого, в качестве военного коменданта и командира стоял военный трибун². Судя по найденным в Херсонесе надгробиям, гарнизон состоял из солдат I италийского легиона (IOSPE, I², 404, 417, 547, 548), который с 69 г. стоял в Мезии, и из вспомогательных отрядов, например, I Киликийской когорты (IOSPE I², 553—555), и т. д. Наряду с сухопутными войсками Херсонес сделался местом постоянной стоянки части римского флота под командой триерархов, подчиненных коменданту гарнизона (IOSPE, I², 417). Но римляне не ограничились охраной одного Херсонеса. Судя по тексту приводившейся выше надписи (IOSPE, I², 369), Сильван поставил гарнизоны и во второстепенных пунктах херсонесской области и начал укреплять их. Раскопки на Гераклейском полуострове обнаружили переделку римлянами старых укреплений и строительство новых в укрепленном комплексе против бывшего хутора Бермана и в Александриаде. Многие башни на полуострове являются римскими сооружениями, воздвигнутыми в помощь основным укреплениям.

Но римляне не ограничились военной оккупацией Гераклейского полуострова и прочих владений Херсонеса; они довели до конца то, что не удалось Митридату VI, а именно, оккупировали всю горную Таврику, о чем свидетельствует Иосиф Флавий, говоря о подчинении римлянами племени тавров (Bell. iud., II, 16,4). В связи с этим римляне, по мнению В. И. Дьякова (ВДИ, 1941, №1, стр. 95), организовали ряд десантных операций вблизи современной Ялты и в других местах, использовали в качестве опорных пунктов старые таврские укрепления в Хараксе (Ай-Тодор), на Аю-Даге, на горе Кошке и т. д., выбыв оттуда тавров. Херсонес в это время становится центром римской оккупации всей Таврики³. Опыт использования этой базы Митридатом VI не прошел даром. Римляне воочию убедились, какое экономическое значение могли иметь Таврика и степи, расположенные к северу от нее, в случае военных действий. Ближайшей задачей военной экспедиции Сильвана при Нероне был разгром грозного сарматского племени алапов, стихийное продвижение которых в степях за

¹ Этот поход был задуман еще Цезарем. См. Ростовцев, Эллинистическое правление на юге России, 1918, стр. 140—141; он же, Цезарь и Херсонес, ИАК, вып. 63, стр. 1 сл.

² IOSPE, I², 417. Надпись датируется второй половиной II в. н. э.

³ Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158; он же, Новые латинские надписи с юга России, ИАК, вып. 33, стр. 1 сл., то же ИАК, вып. 23, 27.

Танаисом толкало осевшие прежде от Танаиса до Данауия сарматские племена на римские дунайские провинции.

Экспедиция Сильвана имела успех¹. Ему удалось удержать даков и сарматов на левом берегу Дуная, переселив некоторые племена на правый берег. Удачная оккупация горной Таврики позволила Сильвану сделать пажим и на Боспор. Котис I потерял право чеканить монету. На Боспоре вновь, как в начале правления Котиса, появились римские войска. Но особенное внимание римлян привлек к себе Херсонес, поскольку здесь замкнулось кольцо охвата Римом Таврики с востока, из Малой Азии, и с запада, из Мезии. Были приложены особые заботы к тому, чтобы обеспечить Херсонес от нападений враждебных скифов и тавров и удержать его как важный форпост античной культуры. Это было необходимо для правильных и постоянных сношений Таврики с Понтом, а в Херсонесе была единственная гавань в Таврико, которая могла дать безопасный и прочный приют римской эскадре, защищавшей торговое мореплавание на Понте Эвксинском от пиратства. Риму поэтому надлежало обезвредить Крым от тавров и прочно оккупировать горную часть и западное его побережье². Херсонес в это время пользовался правами свободного города.

При Нероне была сделана попытка, в виде экспедиции Сильвана, превратить Боспор в провинцию, а Херсонес в провинциальный центр, формально автономный. Но это продолжалось недолго. Правда, при Веспасиане и Тите полностью поддерживается в Крыму политика Нерона, в том числе и военная оккупация Херсонеса, нужная для планов обоих Флавиев на востоке. Оба они планомерно развивают систему прочного укрепления подходов к Армении и Парфии с севера путем создания, наряду с сирийской армией, сильной армии в Каппадокии. С началом правления третьего Флавия — Домициана положение меняется. Экспедиция Сильвана далеко не ликвидировала всех военных вопросов на Дунае. Поход Нерона не состоялся. А между тем положение на Дунае все более осложнилось, и императору пришлось всю энергию и все военные силы сосредоточить здесь. Борьба была мало успешной, и Рим потерпел ряд поражений и неудач. Пришлось убрать из Таврики все римские гарнизоны и усилить власть боспорского царя. Это сразу сказывается в том, что на золотых монетах Рескупорида I (с 80 г. н. э.) вместо царской монограммы появляется его полное имя, что и удерживается затем до самого конца Боспорского царства. Возможно, что с этого времени Боспор начинает получать от Рима ежегодную субсидию, дающую ему возможность чеканить полноценное золото и нанимать армию и союзников. В сферу деятельности Боспора попадает с этого времени и Херсонес, лишенный римских гарнизонов и римской защиты. Херсонес ощущает все это крайне болезненно, как резкое нарушение когда-то дважды дарованной ему «свободы». То же положение вещей удерживается и при преемниках Домициана — Нерве и Траяне. Победы последнего над даками на некоторое время обеспечили дунайскую границу, а походы в Парфию должны были создать такое же положение на востоке. Для прочности восточных завоеваний теперь особенно нужно было обеспечить восточным римским армиям подвоз продовольствия из Таврики. Поэтому Траян внимательно следит за Боспором через своих проконсулов и легатов в Вифинии и Понте и не жалеет средств для поддержания военной мощи Боспора, где в то время

¹ Есть несколько точек зрения на римскую оккупацию Таврики. Ростовцев считал, что римляне строили военные пункты, по строгой системе на перекрестках дорог (ИАК, вып. 40, стр. 9). Дьяков считает, что оккупация имела целью держать в повиновении всю горную Таврику («Сборник трудов Алуштинского музея», 1930, стр. 31 сл.). Репников считает целью оккупации борьбу с морскими пиратами (СА, VII, стр. 121 сл.). Нужно полагать, что римляне имели в виду и то и другое: господство на суше и на море.

² М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, «Проблемы ИДО», 1934, № 9—10, стр. 164 сл.; В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг., ВДИ, 1938, № 2, стр. 324; Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140, где дан план Харакса.

царствовали сначала Рескупорид I, а за ним Савромат I¹. В связи с энергичной политикой римского императора оба царя ведут не менее энергичную борьбу со скифами, которая увековечена в надписях и на монетах. Боспор становится, таким образом, вместо Херсонеса форпостом римского мира и римской военной мощи. Идея завоевания степей была, правда, оставлена, но зато была организована систематическая информация и давался постоянный отпор скифам в ответ на их попытки захватить хлебоборodные местности Таврики, которые в изобилии давали и хлеб, и сырье, и рабов.

Внезапная смерть Траяна оборвала широкую завоевательную политику Рима; его преемник Адриан пошел, как известно, по иному пути. Адриан стремился прежде всего дать новым провинциям возможность мирно развиваться под защитой сильных и дисциплинированных армий и хорошо организованных оборонительных линий. В Таврике Адриан не пошел по намеченному Траяном пути. Котис II, сын Савромата I, сначала продолжал энергичную политику своего отца и успешно защищал границы Боспора. Адриан даже подтвердил, несмотря на протесты Херсонеса, права Боспора на этот город, но в 132 г., после смерти Котиса II и по вступлении на престол Ремиталка, политика Рима резко изменилась. Херсонесские надписи говорят об этом своим лапидарным языком. Граждане Херсонеса, повидимому, были весьма угнетены лишением свободы и подчинением Боспору. Декрет² в честь Аристона, сына Аттина, перечисляя его заслуги, говорит, что он был послом к царю Ремиталку, по поводу военного союза и, успешно закончив переговоры, был вторично послан к нему, причем провел свою миссию с немалым успехом; позднее он был послом в Риме по поводу дарования свободы и там умер. Из этой надписи не видно, чтобы херсонесцы добились свободы. Через некоторое время они снова возбуждают это же ходатайство, но не сами, а через свою метрополию Гераклею. От эпохи Антонина Пия сохранились их декрет в честь «отцов гераклеоты». Вот что в нем говорится: «Поскольку досточтимейшие отцы наши гераклеоты с родственным сочувствием озабочены о нашем спасении, применив все рвение и всю неподдельную любовь, и послали к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину посольство с целью молить его за нас, пи в чем не пренебрегши нами, и божественные ответы и милостиво дарованные благодеяния, переслав через знатнейших мужей Гераклида Менесфеева и Прокла Мемпопова, удостоили сделать известными, чтобы ясна была их безукоризненность,—мы сочли должным со всем рвением вознаградить их приличными наградами; посему да постановит совет и народ похвалить за это прародительский наш... город и первый в Понте» (IOSPE, I², 362). Боспор, очевидно, не в состоянии был организовать действенную защиту Херсонеса и его области от скифских вторжений и Антонину пришлось восстановить старый порядок, когда-то установленный Нероном. Херсонес, судя по вышеприведенной надписи, номинально получил «свободу», т. е. перешел в непосредственное ведение Рима, с прямою зависимостью от легатов Ионийской Мезии. В нем снова появились римский гарнизон из легионеров и вспомогательных отрядов и римская эскадра из кораблей равеннского флота. Возродилась римская военная граница, охватившая почти всю Херсонесскую область, кроме разве Маячного полуострова, где совершенно нет остатков римской эпохи. Была восстановлена сеть приморских крепостей и укрепленных пунктов внутри области, защищавших подходы к Херсонесу. Таким образом римляне взяли в свои руки непосредственную защиту западного побережья, горной Таврики, предоставив Боспору защищаться своей наемной армией. Этот порядок, созданный при Антонине, удержался довольно долго. То же было и при Северах с их жестким военным режимом. Из надписей известно, что и при Диоклетиане (284—305 гг.) в Херсонесе еще стоял римский гарнизон³.

III век, как известно, был одним из самых тяжелых периодов в истории Рима.

¹ Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между императором Траяном и Плинием Младшим, который был в это время легатом в Вифинии, посланным туда с чрезвычайными полномочиями в связи с подготавливавшимся походом на восток.

² IOSPE, I², 423; ЖМНП, 1884, июнь (Латышев).

³ Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 79—80, № 9.

Это было время распада одряхлевшего государственного организма, время повсеместных революций и варварских вторжений. Неизвестно, как пережил Херсонес тяжелую эпоху Великого переселения народов. Судя по находкам готских могил с деформированными черепами¹, Херсонес в это время был сильно варваризирован, однако вряд ли можно думать, что он потерял свою независимость. Если верить сказаниям, записанным Константином Порфирородным в его сочинении «Об управлении государством»², Херсонес в эпоху Диоклетиана был автономным городом, который управлялся стефанефорами-протевосами, имел сильное войско, помогавшее римскому императору в его борьбе с савроматами, причем это войско без труда взяло Боспор. При этом любопытно отметить, что херсонесцы-победители просили у императора подтверждения им «широкой свободы и льготы от податей», т. е. ателии, что и было сделано Диоклетианом.

При Константине, по словам того же Константина Порфирородного, с помощью херсонесцев был подавлен мятеж среди скифов, для чего им пришлось совершить поход на Дунай. В благодарность за это херсонесцы получили подтверждение своей свободы и ателии, золотую императорскую статую с золотым венцом «для украшения города», золотые императорские перстни для облегчения переписки с императором, а также ежегодную субсидию в виде 1000 пайков хлеба для баллистариев (городской милиции), веревки, коноплю, железо и масло для баллистр. Таким образом, и в эпоху Константина, т. е. в первой половине IV в., Херсонес представляется сильным автономным городом, военной опорой Римской империи на Истоске. Трения, бывшие у Херсонеса с Боспором, также нашли отражение у Константина Порфирородного в виде рассказа о войне боспорцев и херсонесцев. На стороне боспорцев было население с Мэотийского озера (Азовского моря). Херсонесцы, узнав о выступлении врагов, вышли им навстречу и возле Кафы (теперь Феодосия) разбили их наголову. Был заключен мир, по которому граница Боспора проходила через Кафу. Через несколько лет неупомянувшиеся боспорцы снова выступили войной против Херсонеса. Снова жители последнего разбили их у Кафы после единоборства их представителей, причем протевон Фарнак хитростью одолел Савромата. Теперь границей стал город Кибирник, быть может Киммерик, находившийся почти при выходе из Боспора Киммерийского в Понт Эвксиинский.

Богатство и независимость Херсонеса описываются также в новелле о Гикии, дочери протевона Ламаха, к которой сватался боспорский царевич, сын Асандра. Херсонесцы ответили согласием, но под условием, чтобы царевич ни под каким видом не пытался возвращаться на Боспор. На таких условиях состоялся брак, причем боспорцы захотели хитростью, при помощи заговора, захватить Херсонес. Но заговор был вовремя раскрыт, и Гикия не остановилась перед умерщвлением своего мужа и всех боспорцев, которых он успел тайно «накопить» в подвалах богатого дома Гикии. Красочно описывается богатство этого дома. «Ламах в то время, — говорится в новелле, — славился большим богатством в золоте, серебре, рабах и рабынях, разном скоте и многих имениях; дом его простирался на четыре квартала в длину и ширину и до низа так называемых Суз; здесь в стене у него были собственные ворота и четыре больших портала для входа и выхода, а также были и другие прекрасные боковые входы, так что, когда скот его входил в город, то каждое стадо коней и кобылиц, быков и коров, овец и ослов входило в свои ворота и шло в свои стойла»³. Что касается даты этой новеллы, то некоторые ее детали говорят, как будто, за раннехристианское ее происхождение, как, например, требование Гикии похоронить ее в пределах города, что для античного времени было немыслимо; потому датировать этот рассказ эпохой боспорского царя Асандра, т. е. I в. до н. э., трудно.

¹ Вопрос о принадлежности деформированных черепов готам еще не решен. Во всяком случае они находятся в могилах с позднеримским инвентарем. См. ВДИ, 1939, № 2, стр. 135.

² «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 34 сл. («Об управлении государством», 53).

³ «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 39.

Итак, в III и IV вв. Херсонес не только не опустел, подобно Ольвии, но был ~~столь~~ важным пунктом, с успехом отражавшим варваров и помогавшим императору в трудные минуты. Его культура в это время стояла еще довольно высоко. Так, например, херсонесцы не перестали еще увлекаться Гомером, как показывает одна эпитафия, найденная Шангиным (ВДИ, 1938, № 3, стр. 77, № 8), в которой еще слышится гомеровская фразеология. Во II—III вв. н. э. в Херсонесе существуют общественные игры. Уцелел обломок списка победителей с сохранившимся гимном в честь Гермеса и обозначением, что надпись поставил гимназиарх Дамотал, сын Феофила¹. Кроме того, имеются фрагменты еще трех списков победителей в херсонесских агонах². Все это указывает на то, что Херсонес в позднеримскую эпоху был крепким «языческим» городом. К этому же времени относится ряд строительных надписей, показывающих, что город переживал относительно благополучие. Так, к началу III в. н. э. относится надпись, написанная уже на *κοινή* и гласищая, что Аврелий Гермократ, сын Мирона, а по природе сын Тимофея, пожертвовал (оставшиеся) из расходных сумм агораномии 3000 денариев на храм Афродиты³. К тому же приблизительно времени относится надпись о постройке оборонительной стены: «[Имя рек] построил стену на собственные средства Зевсу Спасителю за себя и за благосостоящие города, через эпимелета Намуха (?), старейшину города» (IOSPE, I², 438).

Прямое свидетельство о существовании в Херсонесе гарнизона в конце IV в. дает надпись на латинском языке в честь императоров-соправителей Валентиниана, Валента и Грациана от солдат отряда баллистариев (ИАК, вып. 23, стр. 6). От конца IV в. (383—395 гг.) дошла очень важная надпись, показывающая, что Херсонес в это время находился в составе империи и признавал императоров своими непосредственными владыками. Далее из нее ясно, что в городе стоял военный отряд империи, трибун которого заботился о безопасности города, в частности о постройке оборонительных стен. Вот эта надпись: «За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия, и много потрудившегося при деле Флавия Внта, трибуна и строителя, построена стена при Евферии превосходительном»⁴. В бурную эпоху Феодосия Херсонес, повидимому, испытывал большой натиск со стороны степей, почему и понадобилось обновить и укрепить основную линию обороны, особенно юго-восточный ее участок, где и найдена была эта надпись (ИАК, вып. I, стр. 40). Это было время усиления центральной власти. Характерно, что в надписи не упомянут никто из местных эпонимов (например, протевон), но говорится зато об «Евферии превосходительном». Это так называемый *μυζολογιστής*; *κόμης* (comes) или comes comme ciogum (КЕ, III, 643), на обязанности которого было следить за сношениями херсонесцев с другими народами, предупреждая измену; он же вдал всеми таможенными делами. В римской империи было мало городов, которым было дано право сноситься с чужими народами. Император Валент дал такое право только двум городам на Дунае. Херсонесу было дано это право, вероятно, Константином, причем за выполнением следил комит.

От конца IV в. сохранилась сильно фрагментированная надпись эпохи Гонория и Аркадия, которая регламентировала торговые сношения Херсонеса с восточными областями империи, причем данный декрет был издан в подтверждение соответствующего декрета императора Феодосия⁵. Это показывает, что Херсонес в конце IV в. был богатым городом, который имел обширные торговые сношения со многими городами, о чем свидетельствуют и раскопки городища и могил. Таким Херсонес остается и в ранне-византийскую эпоху. От этого времени дошла «строительная» надпись с упоми-

¹ В. В. Латышев, *Почты*, 312; ИАК, вып. 10, стр. 20, № 14.

² IOSPE, I², 228; ИАК, вып. 10, № 14; вып. 14, № 24. Все—позднеримской эпохи II—III вв.

³ IOSPE, I², 203. Пайдена в Уваровской библиотеке. См. «Прописи», IV, 536.

⁴ ИАК, вып. I, стр. 59; IOSPE, I², 450=IOSPE, IV, 464. Ср. ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11, примечания.

⁵ ИАК, вып. 15, стр. 16; Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11.

чанием императора Зенона, которой А. Л. Бертье-Делагард посвятил специальное исследование¹. Эта надпись, помимо того, что по ней определяется херсонесская эра (см. работу А. Бертье-Делагарда), важна как свидетельство постройки стен и башни в Херсонесе. Датируется надпись довольно точно 488 г. Необходимость обновить стены диктовалась, повидимому, большим землетрясением, которое было в Крыму в 480 г. и продолжалось 40 дней. Из надписи видно, что Херсонес прочно подчинен византийским императорам, что в городе имеется отряд баллистариев, у которых есть своя казна. Повидимому, эти военные содержались на взносы, собиравшиеся с херсонесцев. Работы по постройке велись под наблюдением «светлейшего комита Диогена». Император Зенон разрешает истратить часть денег казны баллистариев на возобновление стен и башни.

Жизнеописания херсонесских епископов, дошедшие в списках X в.², показывают, что Херсонес был стойким языческим городом даже в то время, когда христианство уже торжествовало свою победу.

Имеющийся материал, хотя и случайный и скудный, свидетельствует, что в период распада Римской империи Херсонес сохранил экономические и военные ресурсы, которые могли сделать этот город опорой власти Восточной Римской империи на крайнем северо-востоке.

Проф. К. Э. Гриневич